

Вячеслав Иванович — врач, музыкант, педагог

КОГДА вы идете в Малый зал Московской консерватории, полные радостных мыслей о предстоящем концерте, вряд ли обращаете внимание на скромную дверь, выходящую на одну из лестничных клеток. Но даже если задержите на ней взгляд и узнаете, что здесь помещается фониатрическое отделение лаборатории экспериментальной фонетики консерватории, то и в этом случае сугубо научное и малопонятное название не заставит задуматься, какая сложная, подчас истинно героическая работа ведется здесь. И уж, конечно, кому придет в голову мысль, что певец, искусством которого предстоит насладиться, может быть, совсем недавно был на грани творческой катастрофы и от бедствия его спасли люди, чьи имена никогда не печатают в программе. За этой скромной дверью не только исследуют голосовой аппарат артиста для научных целей, но и спасают его в тех случаях, когда ему грозит «авария».

ПЕВЦУ всего 32 года. Он любит свое искусство, но тяжелая болезнь — хронический ларингит — лишила его возможности петь. Лечение идет месяц, другой, третий, но итог плачевный: артист петь не может. И вот из Луганска, где живет больной, в Московскую консерваторию к врачу Вячеславу Ивановичу Петрову, о котором говорят, что он творит чудеса, летит письмо, отчаянная просьба о помощи.

А через месяц уже к нам в редакцию пришло от того же артиста письмо — листки почтовой бумаги, исписанные крупным неровным почерком: «Итак, я побывал у Вячеслава Ивановича Петрова. Он принял меня поистине по-отцовски и целую неделю занимался со мной и как ларинголог, и как фониатр, и как музыкант. А сколько полезных советов дал он мне на прощанье!»

Встреча с Вячеславом Ивановичем Петровым очень поддержала меня морально. Я воспринял духом и успокоился. Надеюсь вскоре вернуться в строй. Хотелось бы передать доктору мои пожелания еще многих лет жизни и хорошего здоровья.

Солист Луганской филармонии
И. МОРОЗ.

Такова история одного из многих пациентов заведующего фониатрическим отделением лабо-

ратории экспериментальной фонетики Московской консерватории, доцента Вячеслава Ивановича Петрова. А сколько еще таких возвращенных к творчеству бережными руками «вокального доктора»!

Среди них — известная болгарская певица Райна Михайлова. Ее изумительному мастерству москвичи восторженно аплодировали на гастролях в столице Софийской оперы. Несколько лет назад с ней тоже случилось несчастье: пропал голос. Лечили артистку в Болгарии, затем у нас, в Боткинской больнице, несколько раз оперировали, но безуспешно. И однажды, потеряв всякую надежду, Райна Михайлова пришла к Петрову: «Помогите!». Два месяца занималася с нею врач, а на третий... На третий месяц она уже пела у себя на родине партию Мими в «Богеме».

Иная судьба у белорусской колхозницы — народной песенницы Татьяны Мисевич из села Долгое Гродненской области. Она никогда не училась вокалу и пела лишь для себя и своих подруг. Однажды о ней узнали в Минске, записали на плёнку ее исполнение, и слава о колхозной певице покатилась по всей Белоруссии. Татьяна стала часто выступать в концертах самодеятельности, на различных музыкальных фестивалях. Но нетренированные голосовые связки не выдержали перенапряжения. Мисевич пришла к Петрову, по признанию местных врачей, неизлечимой, с погибшим голосом. Действительно, голос у Татьяны не звучал, горло болело. Упорно, методично, с какой-то особой заботливостью учил доктор свою пациенткуциальному дыханию, простейшим вокальнym упражнениям. И вскоре «неизлечимая, с погибшим голосом» снова запела.

— Есть у меня и пациенты-зачечники, — говорит Вячеслав Иванович и открывает тугу набитый портфель. — Вот здесь шестьдесят пять писем.

На конвертах — штемпеля различных городов нашей страны, но нередко увидишь и штамп «международное». Они пришли в Москву из Китая, Болгарии, Германской Демократической Республики, Югославии.

— Это и понятно, — говорит Вячеслав Иванович, — ведь наша лаборатория — единственная в мире.

— Единственная в мире, — сказал о своей лаборатории Вячеслав Иванович и, подумав, повторил. — Да, единственная. Врачи-фониатры есть, а лаборатории такой нет. Он показал специальный прибор — стробоскоп, «видящий» вибрацию голосовых связок; таблицу — тоже единственную в мире, показывающую, как развивались методы исследования и лечения голосового аппарата; рентгеновский кабинет, где врачи наблюдают у певцов грудную клетку.

— Лаборатория наша, — продолжал доктор Петров, — создана в 1928 году профессором Евгением Николаевичем Малютиным. Я и мой ассистент, лaryнголог-фониатр Валентина Ивановна Анцишикина, работаем здесь с первых

дней. Еще гимназистом Вячеслав Петров начал петь в церковном хоре. Вместе с ним выступал здесь и Григорий Пирогов, будущий известный артист. Почти в одно время они поехали из Рязани в Москву. Но если Пирогов, не колеблясь, решил стать певцом, то Петров, подумав, решил стать медиком. Лишь позднее он начал брать уроки у Юлии Николаевны Вишневецкой — известного педагога-вокалиста и руководителя классов народного пения. «Это был очень образованный музыкант», — вспоминает Вячеслав Иванович. — Она встречалась с Римским-Корсаковым, со Стасовым, первая дирижировала хорами из «Князя Игоря» Бородина. Юлия Николаевна не только ставила мне голос, но и воспитывала.

Так и пошло у молодого врача: утром — медицина, вечером — искусство. Петров познакомился с Шаляпиным, с Врубелем и его женой, певицей Забелой-Врубель, виделся со Станиславским, Малковским, организовывал рабочий хор, ставил любительские спектакли, сам выступал в концертах... В лаборатории экспериментальной фонетики одинаково полезными оказались его знания по медицине и музыке.

Более тридцати лет трудится Вячеслав Иванович в консерватории. Все эти годы он пристально наблюдал профессоров-вокали-

В. И. Петров принимает одного из своих пациентов — студента Московской консерватории Хисема Курты, приехавшего учиться к нам из Албании.

стов, много интересного накопилось у него и в результате собственной врачебной практики.

Особые хлопоты доставляют пациенты с расстройством вокальной техники. Именно с этим частенько приходится сталкиваться врачу. И во всех этих случаях врач принимал на себя дополнительные обязанности педагога.

— В этом нет ничего удивительного, — объясняет Петров. — Наша специальность — не только нос и горло. Нужно знать очень многое, вплоть до вокальной педагогики, психиатрии, радиотехники.

Вячеслав Иванович написал несколько капитальных научно-исследовательских работ по фониатрии. Есть у него и ученики в различных городах страны. Совсем недавно, например, у Петрова проходили стажировку врачи из Хабаровска, Горького, Стalingрада, Челябинска.

НАША беседа подходила к концу, когда в кабинет вошел молодой человек — студент пятого курса дирижерско-хорового отделения одной из московских музыкальных школ.

— Очень устало, совсем не могу петь, — пожаловался он. Доктор долго осматривал его и в заключение сказал:

— Зашумленный катар. Нужно долго и упорно лечиться, иначе голос совсем пропадет. А какой же вы хормейстер без голоса?!

...Когда юноша ушел, Петров сказал:

— Надо ему помочь! «Надо ему помочь» — эти слова стали для Вячеслава Ивановича жизненным правилом.

Г. ИНОЗЕМЦЕВА.